

Григорий Померанц

Из развала в развал

Статья первая

Когда мы имеем дело с крупным мыслителем, то он всегда в чем-то прав; нельзя выкинуть из истории Ницше, нельзя выкинуть Маркса. Чувство Бога действительно умирало в западной цивилизации, и гипербола Ницше – Бог умер! – осталась, как знак начавшейся катастрофы. Бубер точнее назвал ее затмением Бога. Но в гиперболе, в «неразвитой напряженности» (как сказал бы Гегель), в «страстной односторонности» (на моем языке) есть энергия открытия, и формулы, в которых эта энергия отпечаталась, культура не забывает. Они в чем-то ценны для понимания того, что произошло. Наверное, потому, что великое никогда не рождается вяло, в полутьме, без яркой вспышки, которая и освещает, и ослепляет.

Такой вспышкой была интуиция Маркса, что капиталистическая цивилизация выходит из кризиса средствами, которые создают новый кризис, опаснее прежнего. Маркс втиснул эту интуицию в экономический контекст, сузив свою мысль, сделав ее уязвимой. Научно-техническая революция вывела капитализм из замкнутого пространства экономических циклов. Но разрушительное движение продолжалось. Призрак экономического краха уступил место угрозе экологического краха – и целому ряду других угроз. Ибо кризисы стали ветвиться, и современная цивилизация кружится в клубке кризисов.

Не то при Хрущеве, не то при Сталине мы смеялись над анекдотическим вопросом: что с нами будет, если мы догоним Америку, которая катится в пропасть? И вдруг оказалось, что американский уровень производства и потребления, распространившись на 6 200 000 000 жителей земли, действительно немислим, экологически невозможен. А между тем, население растет все быстрее: за время моей жизни – в три раза, а с начала XX века – в четыре раза. Конфликты в тесной коммунальной квартире неизбежны; а средства производства (пригодные и как средства разрушения) достигли такой мощи, что человечество впервые за всю свою историю способно эту историю прекратить.

Можно ли обособиться от рокового процесса? Можно ли укрыться от истории? В прошлом такие примеры были. Византия, а за ней Тибет создали культуры, духовно замкнувшиеся от мира. Особенно удачно это получилось в Тибете. Он внешне был защищен горами и социальную структуру создал, способную оставаться неизменной – сколько угодно лет. Но соседи развивались, горы перестали быть непреодолимым препятствием, и Тибет стал легкой добычей для Китая. Византия

продержалась тысячу лет (теряя одну провинцию за другой), но и она рухнула. Обособившиеся культуры не умеют учиться у соседей, не умеют извлекать опыт из своих поражений, и соседи их сминают. На сегодняшний день обособление имеет только относительный смысл, давая местной культуре время переварить проглоченное и перевести глобальные термины на свой язык. От участия в глобальных процессах невозможно отделаться. В той или иной форме оно неизбежно. И приходится всем искать выход из общего кризиса.

Маховик развития нельзя остановить, нельзя резко затормозить; но если торможение вовсе не удастся, затрещит природный сук, на котором мы все сидим, затрещит биосфера, и человечество рухнет. Никто не усидит в воздухе, не останется никакой «почвы», за которую уцепиться. Что же делать? Прежде всего, понять, что торможение в принципе возможно, периоды торможения уже случались. Были эпохи стремительного внешнего раскручивания, эпохи экспансии (торговой и имперской) «вширь», «вперед» - и переходы от центробежного развития к центростремительному, к поискам духовного единства. Пространственные образы здесь условны. Одно и то же может обозначать термин центр (в противоположность периферии) или вертикаль (обозначенная словами «вглубь» или «вверх») - в противоположность горизонтали. Бахтин, например, писал, что в «Божественной комедии» Данте одинаково напряженно чувствуется вертикаль (как в средние века) и горизонталь (как до и после средних веков). Суть дела в переоценке ценностей и целей.

Примерно две тысячи лет тому назад героические подвиги уступили первое место подвигам созерцания, в котором раскрывалось заново Священное, и на этой духовной основе (общей для целого круга культур, для культурного мира) была создана единая для всех иерархия, такая же строгая, как в «мировом дереве» шаманов. Система ценностей вновь встала на свое место.

Если взглянуть на историю с птичьего полета, то это движение от простых разрозненных групп к единой и очень сложной глобальной цивилизации. При каждом шаге вперед что-то терялось. Терялось чувство психической и космической цельности, терялась устойчивость общества. Примитивные культуры живут без кризисов тысячи лет, сложные чаще всего рушились (на этом факте основаны циклические теории исторического процесса). Но рушились не все культуры. Не рухнули культуры, сумевшие найти новую духовную устойчивость и новый социальный порядок, опиравшийся на этику святого писания. Распространение языка и шрифта святого писания создали границы культурного мира. Этот порядок продержался до Нового времени.

Такова схема. Однако стабильность Византии оказалась хрупкой и была разрушена исламом. Ислам (если не говорить о суфизме) снова перенес акцент на движение вширь. Борьба с натиском ислама

подтолкнула европейцев в океаны и стала одним из импульсов к рождению новой экспансионистской культуры - западной культуры Нового времени. Этот культурный мир не имел имперской организации. Развитие науки, техники, торговых инициатив переходило в нем из страны в страну и в конце концов стало основой политической силы. Из этого ящика Пандоры вышли многие успехи во многих частных направлениях – и нарастающие кризисы, грозившие неведомыми катастрофами. Мы просто не знаем, что выйдет из тумана XXI, XXII вв. (если до XXII-го мы дотянем).

Простая культура вся вмещалась в голову, она была чем-то целым, без разрыва на техническую информацию, духовные ценности и т.п. В ней не было спора между религией и философией. Примитивный человек нравственно целен и учит детей своим примером. Этот пример не достигал уровня Алеши Карамазова, но он не падал и до Смердякова. А сейчас каждое поколение сходит со сцены банкротом; только отдельные люди вырастают до задач нашего времени или хоть приближаются к ним. Развитие в сторону «дробности» слишком далеко зашло, пора, - как сказал Сент-Экзюпери, - связать рассыпанные прутки «божественным узлом».

Наступило время поворота от центробежного к центростремительному, к созерцанию мирового духовного центра и покаянию за то, что забыли о нем, увлекшись частными успехами в борьбе с силами природы. В прошлом на покаяние уходило несколько веков. Но у нас нет этих веков впереди. Мы богаты только сознанием ошибок. За несколько десятков лет моей жизни я понял, что в идеях Парменида (человек – мера всех вещей), Пико делла Мирандолы (автора «Панегирика человеку», XV в.) и Маркса была великая односторонность, великая слепота к разрушительным духовным силам. «Бесконечное развитие богатства человеческой природы как самоцель» (Маркс) было развитием не одного только добра, и «добро с кулаками» не случайно обернулось злом с кулаками. Не случайно телемская обитель (на воротах которой написано «делай, что хочешь») обернулась колымским лагерем смерти. Упущено было условие «ассоциации, в которой свободное развитие всех станет основой свободного развития каждого»; условие Августина: «Полюби Бога и делай, что хочешь». Полюби Бога и свободно твори Его волю, неотделимую от твоей собственной.

Идея диктатуры, способной создать гармоническое, цельное общество, оказалась ложной. Но проблема, которую Маркс пытался решить с помощью «диктатуры пролетариата», не была надуманной. Маховик либеральной цивилизации пошел в разнос и грозит катастрофой. Идеалы либерализма оказались таким же мыльным пузырем, как и идеалы Фурье, Сен-Симона и Маркса. Карабкаясь из-под глыб распавшейся советской системы, мы попадаем из одного процесса распада в другой. И нам снова вешают лапшу на уши.

Что только ни раскручивало американское телевидение! Даже концепция конца истории, придуманная Френсисом Фукуямой, обсуждалась совершенно всерьез. Мне тогда – единственный раз в жизни – звонили из БиБиСи и спрашивали мое мнение. Видимо, корректным англичанам неудобно было самим сказать, что их разбогатевшая колония увлекается глупостями. Судя по тону сотрудника, беседовавшего со мной, он прекрасно все понимал; но нужен был русский мальчик, чтобы сказать, какого цвета платье голого короля.

Потом стали раскручивать Сэмюэля Хантингтона. Его концепция войны цивилизаций выстроена с таким количеством натяжек, что трудно их перечислить. Прежде всего, нет четкого признания, что речь идет об угрозе одной цивилизации, ислама. Индия ни при какой погоде не будет воевать с Западом. Китай в ближайшие десятилетия накапливает силы и не станет ввязываться в авантюры. Япония и Южная Корея – союзники США. Из дальневосточного культурного мира враждебен США только Вьетнам; с точки зрения глобальной стратегии это не очень крупная проблема. Не большая, чем Куба. Наконец, мир ислама раздроблен и даже в мысленной совокупности – не соперник США в большой войне. Клочки бумажного тигра, из которых теория склеивает нечто целое (и то – бумажное). В практической, не словесной войне ислам не блеснул даже в конфликте с Израилем. Угроза его – скорее в плодовитости мусульманок, чем в терроре фанатиков-самоубийц. И не надо путать террор с войной! Возможности террора возрастают вместе с общим ростом техники, они могут распространиться и на атомную энергию, и все же террор ближе к политической демонстрации, попытке слабого выглядеть сильным. В подобных демонстрациях участвуют не одни мусульмане. Протест против американизации глобуса имеет глобальный характер. Его участники и латиноамериканцы, и европейцы. Мусульманские экстремисты отличаются особым фанатизмом, и все же я бы хотел подчеркнуть общность мирового протеста против потоков пошлостей, льющихся в эфире, и господства транснациональных корпораций (с львиной долей американского капитала).

Крайние формы протеста, включая террор, - накожная сыпь, за которой стоит воспаление крови. Лечить надо кровь, лечить надо глобальную цивилизацию, вызывающую протесты. И ни бомбардировщики, ни ракеты здесь не помогут. Они не помогут и против демографических сдвигов – в пользу арабов во Франции, турок в Германии и афроамериканцев в Штатах. Действия НАТО в Югославии скорее приблизили ситуацию вроде косовской в самих странах НАТО, возле Лондона и Вашингтона.

Я не отрицаю, что различия между культурными мирами играют свою роль в международных конфликтах, но не они нас губят. Глобальную цивилизацию губит она сама, нарастающий отрыв человека от Бога,

нарастающий отрыв науки от духовного и нравственного целого, нарастающее производство средств, создающих неизвестно какие дыры, вроде уже известной озоновой дыры.

Мы должны быть благодарны англосаксам, что они не были захвачены призраком утопии и не попытались вылечить нашу больную цивилизацию средствами, которые хуже самой болезни. Однако болезнь от этого не исчезла. Однако лекари-диктаторы измельчали и борьба с ними стала второстепенной задачей. Выступила на первый план сама болезнь: переход от приручения природных сил к уничтожению природы; переход от прояснения образа и подобия Бога в человеке к затемнению этого образа суетой частных интеллектуальных задач, переход от равновесия центробежных и центростремительных сил культуры к духовному развалу, переход от духовной свободы к духовной пустоте постмодернизма, от победы духа над буквой к культуре «мертвого Бога». Осталось совсем мало времени исправить перекося, повернуться к внутреннему росту личности, к культуре созерцания и равновесия с природой. Это очень трудно, но не невозможно.

Григорий Померанц

Из развала в развал

Статья вторая. Поиски медленной помощи.

Ни учение Христа, ни этика Канта не предотвратили Освенцима и Колымы. И нет надежды, что «теология после Освенцима» или «этика после Освенцима» (как можно назвать этику Левинаса) окажутся сильнее. Когда почва истории становится раскаленной лавой, культура воспламеняется и любая клетка может стать злокачественной. Коммунизм вырос из Просвещения, нацизм из романтизма; сегодня экстремизм растет из сопротивления ислама американизации, завтра он может вырасти из ужаса перед экологической катастрофой. Политическая мысль с ее безумными проектами – только следствие лихорадочного темпа научно-технического прогресса, следствие Нового, ставшего разрушительной силой. Потеряна способность культуры осваивать Новое, приручать его, сохраняя равновесие. Равновесие нарушено, разваливается иерархия ценностей. Разрушительная роль телевидения, о которой с тревогой писали Поппер и Гадамер, - только частный случай.

Министр просвещения России Геннадий Ягодин пишет об экологическом кризисе: «Дальше – только два варианта: либо фашизм, диктатура, которая говорит: «Ведите себя так, иначе погибнете», либо такой уровень сознания, когда человек без диктатуры будет вести себя так,

чтобы не погибнуть» («Зачем нужны умные люди?» – «Педология», 2001, май, стр. 16).

К сожалению, именно умные люди создали реальность, с которой умные люди не знают, что делать. Глобальная диктатура не может утвердиться мирным путем; а войны – еще более короткий путь к гибели, чем нынешний порядок, охраняемый НАТО.

Одна из проблем, которую нельзя решить высокоточными ракетами, – миллиарды недоучек. Примитивные народы умели воспитывать своих мальчиков и девочек. Простая культура целиком влезала в одну голову, и в каждой голове был нравственный порядок, а не только техническая информация. Культура была духовным и нравственным целым. Естественным примером этой цельности оставались отец и мать. Сейчас они банкроты. Тинейджер, овладевший компьютером, считает себя намного умнее деда, пишущего авторучкой. Мир становится другим каждые 5-10 лет, и все старое сбрасывается с корабля современности. В том числе – святые, открывшиеся малограмотным пастухам. Сегодня они не стоят ломаного гроша. Русский поэт Брюсов в начале XX в. говорил о грядущих гуннах, тучей скопившихся над миром. Они не придут извне. Они копят в джунглях Нью-Йорка, Лондона, Парижа, Москвы. Они готовы разрушить культуру, как провинциальные самураи разрушили Хэйан (XIII в.).

Одно из бедствий современности – глобальная пошлость в эфире. Глобализм и пошлость становятся синонимами. Когда местные культуры поглощались эллинизмом, или конфуцианством, или ведизмом, это можно было принять. Нынешний глобализм вызывает яростное сопротивление. В нем есть безумие, напоминающее луддитов (уничтожение антенн спутникового телевидения достаточно похоже на ломку машин). Но есть и мудрость культуры, сопротивляющейся цивилизации (оба термина в понимании Шпенглера, а не Тойнби). Сопротивление американизации увеличивает шансы европейского проекта, сегодня несколько отодвинутого в сторону.

Европа – в отличие от всех империй, азиатских и старой Российской – осуществленный проект культурного мира как концерта (или хора) самостоятельных голосов. Россия XIX века, войдя в этот хор, впервые открыла в себе возможность полифонии. Одни русские опирались на Францию, другие на Англию, третьи на Германию – и возникла переключка голосов внутри русской культуры, создавшая условия для расцвета русского романа и русской философии.

Я думаю, это достаточная проверка европейского проекта. И можно представить себе глобальную культуру как подобие сводного хора, куда отдельные культурные миры (Европа, ислам, Индия, Дальний Восток) войдут как отдельные хоровые группы. Музыкальное действие, в котором четыре ансамбля, разбросанные на десятки метров друг от друга,

подчинялись одной палочке дирижера, я слушал в Риме в 1992 г. И для осуществления этой модели в политике не хватает только прислушивания к единому духу всех великих религий великих культурных миров.

В этом направлении действовали зачинатели диалога вероисповеданий – папа Иоанн XXIII, Томас Мертон, Джон Мейн, Д.Судзуки, Далай Лама XIV и др. За поверхностными противостояниями современности стоит тенденция техногенной цивилизации подчинить себе мир и разрушить его, а в борьбе с ней – силы, пока разрозненные, но способные соединиться, и в случае успеха – переломить тенденцию, коротко описанную Р.-М.Рильке.

Путь наш не вьется, как тропки лесов и потоки
дивным меандром. Он – краткость, прямая.

Так лишь машина вершит взлет свой искусственнокрылый.

Мы ж, как пловцы среди волн тратим последние силы.

Сонеты к Орфею, ч.I, N 24.

Одна из особенностей великих культурных миров – способность к историческому повороту, к переходу от расширения вовне к внутреннему росту, от захваченности центробежными процессами к созерцанию духовного центра и покаянию за отрыв от него. Соединенные Штаты пережили несколько движений аутсайдеров: волну, вызванную уходом Мертона в монастырь, дзэн, йогу. Но американская культура в целом, начавшаяся с высадки колонистов в Виргинии (XVII в.), не имеет способности к повороту в своей исторической памяти. Она очень односторонне воплощает дух Нового времени, дух Просвещения. Поэтому «Американский век» не может длиться вечно. Последний подвиг Америки – укрощение тоталитаризма. Новыми лидерами станут страны, которые лучше других сумеют создать новый стиль жизни, включить паузу созерцания в череду дел, избавиться от лихорадки деятельности. Пионерами могут быть и большие, и малые страны, сильные и слабые. Мы не знаем, кто вырвется вперед. Но начинать должны все, кто не опустил до вымирания и резни.

Решающей становится не экономика, а педагогика, начиная с детского сада. Дети схватывают начатки созерцания быстрее взрослых. С самого раннего детства можно воспитывать понимание радости, которую дает созерцание. И это подготовит к переоценке ценностей, к переходу от лихорадки производства и потребления к цивилизации созерцания, духовного роста и равновесия с природой. В созерцании, в тишине мы услышим снова Бога, заглушенного шумом машин, и Он нам поможет.

Если мы будем просто звать людей ограничить свои потребности, ничего не выйдет, кроме раздора. Петр кивнет на Ивана, Европа на Америку, Азия на Европу. Поворот может дать только открытие ценности созерцания, паузы созерцания в делах, в диалогах, в развитии мысли, в сближении влюбленных. Когда Моцарта спросили, что важнее всего в его

музыке, он ответил: паузы! Паузы, в которых он слышал – и мы услышим, если вслушаемся – божественное дыхание.

Школа не может отвлечься от сегодняшнего дня, не может не готовить программистов, юристов, менеджеров. Но сегодняшний день быстротечен, и течение несет его к смерти. Слово «кала» на санскрите омоним: и время, и смерть. Культура, не нашедшая опоры в вечности, падает под напором перемен.

Школы могут и должны учить науке созерцания: через искусство, через литературу. Со временем – используя телевидение, если оно повернется к величайшей проблеме века. А пока – используя медитативную лирику, медитативную прозу и, медитативную музыку.

Конечно, - это не единственный путь творческой активности. Но я акцентирую то, в чем лучше разбираюсь.